

А. Г. Матвееенко

Постколониальные исследования: проблемы и перспективы

Статья посвящена постколониальным исследованиям как относительно новой на постсоветском пространстве научной программе, обладающей значительным эвристическим и методологическим потенциалом. Особенностью постколониального дискурса является изучение новых типов культурной и социальной идентичностей, вопросов самоконцептуализации, легитимации локальных и маргинальных нарративов в качестве национальных и суверенных. Автор акцентирует внимание на проблемах перцепции концептов постколониальных исследований. Особое внимание уделяется перспективам использования постколониальной стратегии для Беларуси в силу общих интеллектуальных установок на исследование феноменов транзитивности и пограничности, сосуществования социокультурных систем в качестве поликультурного пространства.

В современном белорусском гуманитарном дискурсе актуализируется поиск новых исследовательских стратегий и программ. Преобладающим направлением является изучение культурных феноменов с использованием междисциплинарных подходов западной культурной антропологии и культурных исследований (Cultural Studies). Ранее неизученные либо малоизученные социокультурные практики становятся предметом исследования, что ведет к качественному росту научного знания и пополнению интеллектуального инструментария белорусской науки.

Одной из новых исследовательских стратегий на постсоветском пространстве являются постколониальные исследования. Это одна из наиболее значимых и перспективных исследовательских программ современного гуманитарного знания. Поэтому следует подробно рассмотреть генезис и становление постколониальных исследований в качестве идеологической доктрины и новой области знания.

Мировоззренческим основанием для оформления научной теории стала критика классической теории колониализма. Постколониальная теория брала на вооружение и органично использовала в своих интересах методологии многих интеллектуальных течений мысли второй половины XX в. Начавшаяся как рефлексия на последствия Первого модерна и исторические судьбы приобретших независимость бывших колониальных территорий, вобрав достижения многих научных дисциплин, постколониальная теория развила собственные проблематику и исследовательский язык, а также приобрела статус «одного из базовых критических дискурсов современности» [2, с. 597]. Постколониальная теория нашла академическую локализацию в университетах и иных образовательных

институтах Западной Европы и Северной Америки в форме особого научного направления [2].

В круг классических текстов данной теории входят разнородные произведения, включая монографические исследования и публицистические работы, среди которых статусом фундаментальных и основополагающих пользуются «Ориентализм» и «Культура и империализм» Э. Саида, «Колониализм и неоколониализм» Ж.-П. Сартра, «Черная кожа, белые маски» Ф. Фанона, «Локализации культуры» Г. Бгабха, «Может ли угнетенный (подчиненный) говорить?» Г. Спивак и др. Среди авторов, прямо не относящихся к теоретикам постколониальных исследований, так или иначе затрагивающих данную проблематику, М. Фуко («Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»), А. Мемми («Портрет колонизированного на фоне портрета колонизатора»), А. Кихано («Доминирование в культуре»), Н. Мальдонадо-Торрес («Против войны: мнение подошвы современности») и др.

В целом эксплицитное выражение идей постколониальных исследований чрезвычайно богато и разнообразно, многие положения до сих пор не приобрели законченного концептуального оформления, по многим пунктам продолжается полемика. Вызывает определенную трудность формальное определение понятия постколониальных исследований в силу его многоаспектности и многозначности. Автор отдает предпочтение определению белорусского исследователя И. Бобкова: «Постколониальные исследования, постколониальные штудии – это совокупность достаточно методологически и дисциплинарно гетерогенных, но тематически взаимосвязанных концептуальных дискурсов, рефлексизирующих себя в единой рамке (сети) критических проектов и программ, направленных на преодоление последствий экономической, политической, но прежде всего культурной и интеллектуальной зависимости “незападного мира” от “западных” образцов и прототипов» [2, с. 597]. Следует оговориться, что под «западным» влиянием имеются в виду не экономические аспекты, а сфера знания, в частности проекты Просвещения и Модерна, критическим переосмыслением которых во многом стал постмодернизм.

Одна из базовых идей стратегии постколониальных исследований заключается в том, что современные социокультурные образования рассматриваются как радикально детерминированные прошлым историческим опытом и идеологическим контекстом, которые зачастую не способны развиваться вне заданных метрополией алгоритмов и парадигм. Ключевой особенностью является то, что такое влияние предстает в латентной форме, не проявляет себя в виде открытой и явной экспликации.

Следующий постулат заключается в том, что латентная парадигмальная связь метрополии и периферии неизменно вносит ограничения в эволюцию «зависимой» социокультурной системы, не позволяя использовать адаптивные механизмы и практики, которые с минимальными затратами снимают риски конфликтов и социальной напряженности.

Во многом именно эти ограничения и составляют суть проблемы, так как общности по-прежнему находятся в рамках сформировавшейся ранее системы культурных, общественных и иных отношений – структуры вертикальных и горизонтальных связей в обществе, а проблемы перед такими системами встают уже иной природы, для их решения не выработано необходимых механизмов и институциональных образований.

Применим ли аналитический аппарат постколониальных исследований на постсоветском пространстве? По данному вопросу существуют различные мнения. Даже самые радикальные скептики отмечают методологическую ценность постколониальных исследований.

Главной проблемой, как видится автору, является проблема терминологии и определенных интеллектуальных установок, которые невозможно адекватно воспринимать и оценивать без учета контекста и особенностей формирования данной исследовательской стратегии. Для большей ясности и полноты выделим несколько факторов, особо влияющих на восприятие теории постколониальных исследований:

1. Положение о корреляции чистого и политического знания (по А. Грамши) заключается в том, что гуманитарное знание детерминировано принципами гражданского и политического обществ. Расширяет и дополняет данное положение Э. Саид в работе «Ориентализм»: «Большинство ученых-гуманитариев вполне удовлетворяются сознанием того, что текст существует в контексте, что существует такая вещь, как интертекстуальность, что давление условностей, предшественников и риторических стилей ограничивают... Однако они весьма неохотно допускают, что на автора-индивида действуют также и разнообразные политические, институциональные или идеологические ограничения» [4, с. 25]. Следует уточнить, что существует градация сфер гуманитарного знания, которые в большей либо меньшей мере испытывают риски внутренних ограничений в зависимости от специфики научной дисциплины и той методологии, которой она пользуется. Например, социологические опросы могут предоставлять точные данные, исходя из которых ученый при помощи математических моделей делает определенные выводы и выводит определенные закономерности. В тех сферах, где точные данные невозможно получить, элемент интерпретации значителен, и, соответственно, риски внутренних ограничений более высоки. Но такое положение вещей не должно приводить к эпистемологическому пессимизму. Э. Саид предлагает осознать эту корреляцию и с новым знанием двигаться дальше: «Моя позиция состоит в том, что каждое гуманитарное исследование должно выявить природу этой взаимосвязи в специфическом контексте исследования, предмета и его исторических обстоятельств» [4, с. 29]. Без понимания взаимозависимости аккумуляции и генерирования знания и специфики той социокультурной общности, в которой функционирует исследователь как частное лицо и наука как ин-

ститут и уникальное сообщество, проблематичным видится внедрение новаций.

2. Эмоционально избыточная терминология обусловлена тем, что часть базовых терминов, широко употребляемых в постколониальных исследованиях, для большинства реципиентов имеет эмоциональную окрашенность и метафорическую наполненность, которые не позволяют беспристрастно рассмотреть суть проблемы. Например, словоупотребление в научной среде таких терминов, как колония, империя, колонизатор, экспансия и др., неизбежно привносит аспект ангажированности, нередко приводя к личной и профессиональной конфронтации собеседников, что негативно сказывается как на качестве, так и на результатах дискуссии. Для того, чтобы изменить данную ситуацию, напрашивается вывод о необходимости изменения и корректировки терминологии в сторону нейтральности, однако в таком случае существует риск получения обратного результата – искажения сути исследовательской программы. Как видится автору, необходимо двигаться путем постепенного сглаживания противоречий в терминах и понятиях. Одним из возможных примеров может служить широкое употребление вместо базовой дихотомии «Империя–Колония» слов «Метрополия–Периферия» или «Центр–Окраина» и т. д. Такое же положение вещей наблюдается и со многими основополагающими концептами иных теорий и гипотез – эмоциональная окраска концепта С. Хантингтона «столкновение цивилизаций» является красноречивым примером.

3. Деколониальный фактор возникновения рефлексии на данную проблематику характеризуется тем, что он имеет четкие хронологические рамки: конец Второй мировой войны – распад колониальной системы и обретение прежними колониями западных гегемонов независимости и суверенного статуса. Этот период истории отмечен особым социально-политическим контекстом, который значительно повлиял как на академическую науку, так и на маргинальные философские течения, и социальные повседневные проекты и практики в целом. Происходит реконфигурация элементов межкультурного взаимодействия на совершенно новых основаниях: равнозначности всех культур (культурный релятивизм) и отказа Запада (пусть во многом и формального) от гегемонии над остальным миром. Эти изменения привели к общественной рефлексии над колониальным опытом как на Западе, так и в прежних колониях, тем самым заложив основу для интеллектуальных установок, которые стали фундаментом постколониальных исследований. Схематически эти процессы можно представить следующим образом: колониализм и империализм – деколонизация – постколониальный дискурс – идеология мультикультурализма – конец мультикультурализма (Л. Харрисон) [5]. Можно с большой долей вероятности утверждать, что эта

хронологія і адпаведныя ёй працэсы знаходзяць адражэнне ў гене-зісе і далейшым развіцці тэорыі і практыкі посткалоніяльных іс-следванняў.

Следует отметить, что это отнюдь не полный перечень проблем, возникающих при использовании и внедрении теории постколониальных исследований, однако, как представляется автору, приведенные выше ключевые моменты проблематики образуют некую целостность, при объективном взгляде на которую становятся понятным и сложность и многозначность задач, возникающих перед исследователями этого на-правления.

С нашей точки зрения, наибольший интерес представляют перспективы постколониальной стратегии именно для Беларуси – для понимания ее истории и культуры, настоящего положения и формирования образа будущего. В силу многих причин, одной из которых является относительно недавнее получение Республикой Беларусь статуса независимого суверенного государства на международной арене, приобрели особую важность для молодой страны вопросы самолегитимации и самокон-цептуализации, поиска идентичностей и реконструкции культурных и исторических реалий, которые привели к формированию белорусов как нации. Данная концептуальная повестка во многом, если не полностью, совпадает с основным содержанием постколониального дискурса: «центральными темами “постколониальных исследований” стали вопросы национализма, ориентализма, саморепрезентации, культурной идентичности и мультикультурной личности» [6, с. 10]; «постколониальные исследования сосредоточились на проблемах кризиса самоидентичности, вызванного ситуацией “пограничья”, обращения к своей национальной культуре и ценностям» [6, с. 15]. Совпадение общих проблем и постановка общих вопросов представляются очевидными. Но актуальности придает еще и общая установка на феноменах пограничности, транзитивности, особого вида сосуществования социокультурных систем – поликультурного пространства на основе межэтнического и межконфессионального взаимодействия. Противоречивые и порой неоднозначные трактовки и интерпретации исторических событий на территории Беларуси все же имеют общую канву вне зависимости от того, какой мы придерживаемся точки зрения на частности – Беларусь формировалась в сложных геополитических условиях цивилизационного противостояния Запада и Востока, которое не всегда носило мирный характер и нередко приводило к эскалации и долговременным военным конфликтам. Эта специфическая ситуация видится «як прастора сутыкнення цывілізацый, заходне-славянскай і праваславаўна-еўрапейскай, сутыкнення, якое прыводзіць не да разлому альбо правалу, а ўтварае адмысловую канфігурацыю цывілізацыйнай накладкі, калі граніца заходне-славянскіх уплываў супадае з усходняй граніцай Беларусі, а праваславаўна-візантыйскіх – з заходняй» [1,

с. 39]. Такое существование своеобразной буферной межцивилизационной зоны не могло не привести к образованию особой конфигурации социокультурных практик и идейно-идеологических ценностей, установок и идеалов, которые и сейчас формируют национальный нарратив во всем его богатстве и самобытности. Для продуктивного анализа данных особенностей развития и условий функционирования культуры видится целесообразным использование уже разработанной методологии постколониального дискурса, широко используемого в западной гуманитаристике интеллектуального инструментария и базового комплекса концептов и метафор данного направления.

Многие закономерности становления и трансформации социокультурных систем, социокультурной динамики, первоначально теоретически разработанные и концептуально оформленные в рамках программы постколониальных исследований, прошли различные этапы верификации и на данный момент подтверждаются эмпирическими, статистическими и иными данными. Таким образом, корректное использование стратегии постколониальных исследований в научных изысканиях обладает прогностическим потенциалом, позволяя с достаточной точностью предсказывать как негативные, так и положительные результаты тех или иных принимаемых решений, находить причинно-следственные связи в событиях и явлениях, зачастую кажущихся стечением обстоятельств. Например, модель о двухвариантном развитии событий после разрушения метасистемы и ее дробления на части:

1) консервативная реакция – дублирование, «возвращение» прежних властных и идеологических форм, иерархических структур и т. п.;

2) радикальная реакция – переформатирование истории, «возрождение» мифологического прошлого, «реинкарнация национализма» и т. д.

Те же закономерности нашли свое эксплицитное отражение в статье Р. Л. Карнейро «Культурный процесс»: «Системы претерпевают два фундаментальных типа изменений, которые можно было бы назвать восстановлением состояния и трансформацией состояния. Восстановление состояния – это такое изменение, посредством которого система воссоздает предшествовавшее состояние баланса и равновесия, временно нарушенное. Трансформация состояния – это такое изменение, которое вызывает к жизни новое и отличное от предыдущего состояние системы» [3, с. 436]. В данном случае можно проводить параллели с реалиями постсоветского пространства и проблемами самоопределения некоторых государств, получивших независимость. Как видим, даже минимальное понимание и учет приведенной выше модели позволили бы избежать многих трудностей и более объективно видеть факты и обстоятельства.

В целом стратегия постколониальных исследований обладает огромным эвристическим потенциалом, способна расширить методологию и инструментарий белорусской науки, открыть новые горизонты смыслов,

помочь взглянуть на культуру еще под одним углом зрения, что будет способствовать объективному анализу и генерированию нового знания.

1. Бабкоў, І. М. Гісторыя беларускай думкі: метадалогія, дысцыплінарасць, канон / І. М. Бабкоў / Нацыянальная філосафія в савременном мире : сб. ст. / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2010. – С. 38–49.

2. Бобков, И. М. Постколониальные исследования / И. М. Бобков // Постмодернизм : энцикл. / сост. и науч. ред.: А. А. Грицанов, М. А. Можейко. – Минск : Интерпрессервис : Кн. дом, 2001. – С. 597–598.

3. Карнейро, Р. Л. Культурный процесс / Р. Л. Карнейро // Антология исследований культуры : в 2 т. – СПб. : Университетская книга, 1997. – Т. 1. Интерпретация культуры. – 728 с. – (Культурология. XX век).

4. Саид, Э. В. Ориентализм / Э. В. Саид. – СПб. : Русский миръ, 2006. – 636 с.

5. Харрисон, Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / Л. Харрисон ; пер. с англ. Ю. Кузнецова. – М. : Мысль, 2014. – 286 с.

6. Чемякин, Е. Ю. «Постколониальные исследования» как историко-культурный феномен второй половины XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Е. Ю. Чемякин ; Урал. фед. ун-т им. Первого президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2012. – 18 с.

A. Matveenko

Postcolonial studies: problems and perspectives

The article is devoted to the theory of postcolonial studies as a relatively new research program of the post-Soviet area with a considerable heuristic and methodological potential of the Belarusian cultural studies and other humanities. The principal feature of the post-colonial discourse is the research and generating of the new types of cultural and social identities, problems of self-conceptualization, legitimation of local and marginalized national and sovereign narratives. The author focuses on the problems of postcolonial studies' concepts perception, displays the factors affecting the perception of this theory as in the academic environment and in the everyday consciousness. In addition, special attention to the perspectives of the use of the post-colonial strategy for Belarus in the context of the study of phenomena of transitivity and border coexistence of social and cultural systems as a multicultural space is paid.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 04.03.2016.